

НАСЛЕДИЕ ШОЛОХОВА

Неизвестные страницы рукописей великого писателя

По тихому Дону

Репортаж наших корреспондентов

Дорога из Воронежа в Вешенскую лежит через Богучар — небольшой пригородный городок на границе с Ростовской областью. Здесь около семидесяти лет назад начинал первые самостоятельные шаги в жизни Михаил Шолохов.

В Богучаре сохранились: здание гимназии, теперь в нем расположена средняя школа-интернат, дом, в котором жил гимназист Миша Шолохов. Здравствует до сих пор и один из одноклассников Шолохова — Георгий Константинович Подтыкайло.

Мы встретились и беседовали с ним. Проработав многие годы врачом-терапевтом, сейчас он на заслуженном отдыхе. И хорошо помнит события тех тревожных, предположительных лет, памятные дни гимназической жизни и учебы.

В первом классе нас было около 40 мальчишек, — вспоминает Георгий Константинович. — Изучали историю, словесность... Михаил Шолохов был хорошим, верным товарищем. Любил его за смеливость, правдивость, остроту. Отличался Михаил и своей любознательностью. Много читал различных книг и журналов. Мог очень выразительно и с интересом декламировать стихи и отрывки из прочитанных произведений. Из всех занятий он особенно любил историю, географию и литературу. Их вели опытные, а бы сказаны, талантливые по тому времени педагоги. Григорий Иванович Карманов и Ольга Павловна Страхова. К Ольге Павловне Михаил относился с большим уважением и поддерживал с ней связь и тогда, когда стал уже известным писателем.

Георгий Константинович рассказал нам один очень интересный эпизод. Принес он как-то учитель русского языка несколько разных цветных картинок. Раздал их ученикам и попросил написать на основе изображения на них сочинение. На другой день пришел со стопкой тетрадей, обвел класс внимательным взглядом и объявил: «Все написали сочинение неплохо, но лучше всех Михаил Шолохов». И учитель прочитал это сочинение вслух. Детали по памяти уже не сохранились, но помню, на открытие у него был нарисован печальный старик, сидящий у сгоревшего дома. Она, кажется, так и называлась — «После пожара».

Богучарцы щедро хранят память о юном Шолохове. В школе-интернате стоит «именная парта», за которой сидел будущий автор «Тихого Дона». Его имя носит пионерская дружина. В отдельной комнате собрано много экспонатов — фотографий, писем, документов, воспоминаний.

Круто свернув под Миллеровом с автодороги Воронеж — Ростов на Вешенскую, останавливаемся у молодой тополиной аллеи, которую замыкает двойной ряд деревьев. В центре его — три врытых в землю «стула» и круглый стол — чурка огромной толщине дерева. Здесь, в этой искусственной беседке около лесной опушки, любил отдыхать М. А. Шолохов. Откуда бы он ни ехал, возвращаясь домой, всегда приворачивал сюда, выходил из машины и долго молча смотрел в стену даль.

Недавно нам довелось встретиться с одним из прототипов Семена Давыдова — Андреем Андроповичем Плоткиным, который сейчас живет в Подмошье. Вышедший рабочий, моряк, он в числе других коммунистов поехал по призыву партии в деревню. В начале 30-х годов работал председателем колхоза имени Буденного в хуторе Лебяженский Вешенского района. Вот что он рассказало о том бурном времени.

— Сложная была обстановка на Дону. Домался вековой уклад жизни казачества. Не все шло гладко... И это очень правдиво и ясно отразил Михаил Шолохов в «Поднятой целине». Мне посчастливилось много раз встречаться с этим удивительным человеком. Он был моего возраста. Хорошо знал жизнь и быт местных казаков, не раз помогал мне в трудной ситуации, давал советы, критиковал промахи в работе, интересовался, как складывается новая коллективная жизнь. У меня сохранилось несколько писем и записок Михаила Александровича, в которых он проявляет трогательную заботу о рядовых тружениках-казаках. Вот подлинный текст одной из них:

«Андрей, гражданин эта — колхозница твоего колхоза. Муж ее — Кривошлыков М. Л. — принят в колхоз недавно; До этого был единоличником. Работает он один. А семья, кроме него, пять человек: бабка 80 лет, жена и трое детей, старшему из которых пять лет. Совершенно ясно, что все они не могут прокормиться хлебом единственного работника. Детей в ясли не принимают. Мать не может идти в поле, так как бабка очень ветхая и

за детьми не ухаживает. Им надо помочь хлебом. Будет преступлением, если сейчас кто-нибудь из этой семьи умрет от голода. Надо поддержать. Рассмотрите это дело.

У них взята корова за невыполнение семазготовок. Нельзя ли вернуть корову? Говорили, что тем, кто добросовестно и честно работает, надо вернуть корову. Узнай, проверь, как работает Кривошлыков. Как у него дела? Когда же ты, рыбий глаз, кончишь колосовые? Ведь это же позор! 23 мая, а ты молчишь. Ну, желаю колосовые сечь. Жму руку. М. Шолохов».

Почти 7 лет проработал Плоткин в Вешенском районе, но после перехода его на новое место его связь с писателем продолжалась. Как дорогую реликвию хранил Андрей Андропович сейчас душевные дружеские письма Шолохова, в которых писатель рассказывает о жизни вешенцев, о судьбах их общих друзей и товарищей, о своей жизни.

«Дела в районе текут и меняются», — говорится в одном из писем, — ныне плохо, завтра хорошо, послезавтра плохо, а на следующий год опять хорошо, в том числе и в твоей вотчине. Зажиточная жизнь не удалась в этом году. Я, признаться, сомневаюсь в том, что мне удастся в следующем. Но зато добика через три-четыре придет непременно. Желаю!».

Война на некоторое время прервала их связь, но потом она снова возобновилась. И когда Плоткин наемнулся в один из своих писем, что он охладил к нему его старый друг, Михаил Александрович написал теплое волнующее письмо.

«Никакого душевного охлаждения к тебе не испытывал и не испытываю теперь. К этому нет оснований, да и не было. Правда, одно время я был зол на тебя за то, что ты не вернулся на землю (это после войны)».

Впрочем, это произошло не с тобой одним: и Луговой, и многие другие шатнулись, полагая, что все сделали для сельского хозяйства, и, возможно, многие думали, что чрезмерно много сделали, и, дескать, хотят посидеть на этом зарпече...

Но все это было давно, и «злость» на вас сошла, а мужская любовь осталась, уважение и сердечная привязанность, и грустная дымка о милом, хотя и очень тяжелом, но все же героическом прошлом...

Примечательно в этом примере и такая фраза: «Есть у тебя и вторая ошибка: ничего страшного нет в том, что у тебя, и в тебе есть частица моего Давыдова, как я могу на это обижаться, если это правда?»

Перед Базами, последним населенным пунктом перед Вешенской, спускаемся к Дону. Справа хорошо виден зеленый остров, нос которого возвышается в стремнину реки. Чуть пониже, в сторону от Базов, у крутого берега открыта глубокая яма — любимое место рыбака Шолохова. Здесь он провел не один волнующий час в ожидании сазана-клева. Именно об этом месте говорится в любовной записке, пришедшей им старому товарищу по рыбалке В. Гулаге.

«Дорогой тов. Гулага, я завтра не поеду рыбачить. Езжай и сиди на мое место. Два сазана привадишь, и за два дня поймать три и два сорвал; приметы следующие: против стоит великий бакенщик, скрыт рядом две скобы, ставь лодку на вершину по течению, ниже цела. Желаю удачи. М. Шолохов».

«Дорогой Виктор Лукич, — обращается писатель к нему же. — Большой обиды ты придумать не можешь! Разве можно рыбаку, который не может пока ловить, присылать сазанов? Брошу к черту все дела и завтра еду рыбачить. А сазанов возвращаю. Посылаю пачку папирос. Завтра будешь сидеть, закуришь, когда клева не будет, и вспомнишь о товарище. Привет. М. Шолохов».

Двадцать четвертого мая мы по традиции, утром, пошли ба поздравить с днем рождения Михаила Александровича, — сказал нам первый секретарь Вешенского РК КПСР, давний друг Шолохова Н. А. Булавин. — Исполнилось бы семидесять девять лет его великой жизни. Но его нет... Есть наша память о нем. Духом Шолохова пропитано все — и земля, и люди, и воздух. Могучий дух могучей жизни...

И. БИРЮЛИН, доктор исторических наук, профессор, А. ПЯТУНИН. (Наш спец. корр.).

Воронеж — Вешенская. Фото В. Карапина.

ТРУДНО передать состояние, с которым мы открывали эти рукописные страницы. Нерпение, очень похожее на то, которое всегда заставляет пробежать последние несколько шагов к порогу родительского дома. Опасение, что вот сейчас предположение, выстроенное на отрывочных сведениях из монографий о грузинском кинематографе, окажется лишь легендой. Тревога, что в сценарии неосуществленного фильма самостоятельно нам и не разглядеть личного вклада возможных соавторов.

Заведующая отделом редких книг Грузинской республиканской библиотеки Фериды Шалвовна Кавацантидзе сидит рядом и напряженно ждет, когда мы откроем эту простенькую картонную папку, которую она взяла с полки личного архива известного режиссера, одного из основателей советского кино Николая Михайловича Шенгелая.

Для верности мы кладем рядом «эталон» — привезенные из Ростова рукописные страницы романа «Поднятая целина», любезно предоставленные нам одним из близких писателя Михаилом Михайловичем Шолоховым. Принимаясь сравнивать опубликованное с рукописными страницами одноименного сценария. Ясно: сам Шолохов! Конечно же, это его рукопись, весьма характерным его почерком написаны эти страницы. Потом вклинивается отрывок, написанный кем-то другим, потом снова своеобразное шолоховское письмо...

Чуть позже старший научный сотрудник Грузинского государственного театрального института кандидат искусствоведения Ольга Варденюк Табукашвили, которая вместе с кандидатом искусствоведения Корой Давидовой Церетели, систематизируя историю грузинского кинематографа, разбирала личный архив Шенгелая, рассказывала нам:

— Материалы были когда-то давно сложены в два грубо сколоченных ящика и полностью соответствовали взрывному, мятежному темпераменту Николая Михайловича: все вперемешку, и никакой хронологии. Первой ласточкой, которая принесла нам счастливое изумление, было... письмо М. А. Шолохова на голубой бумаге.

«...Кто будет играть? Кого? Помнитесь, вы обещали оставить в Москве фотографии людей; подобрали ли вы кадры? Мне очень хочется, чтобы картина была хорошей, удачный подбор людей решает, вы это знаете лучше меня. Не думаете ли вы, что роль Лушки подошла бы Вашей жене (имеется в виду знаменитая Нато Вачнадзе. — Авт.), талант которой я очень высоко расцениваю!».

Пшите обо всем. Недели три я буду в Вешенском районе и его окрестностях, потом уеду в Москву. Быть может, встретимся, там и поговорим? Разумеется, все это в случае, если не договоримся письменно. Мне не хочется обременять Вас вешенской поездкой. Жму руку. С приветом М. Шолохов, ст. Вешенская. 23 VII — 33 г.»

А через несколько дней из этой неразберихи мы извлекли и сценарий фильма, который не значится даже в самых подробных каталогах. Соавторство было очевидным. И это было тем более интересно, что в известных экранизациях «Поднятой целины», сделанных Ю. Райzmanом в 1939 году и А. Ивановым в 1960 году, сам Шолохов участия не принимал. Но, предполагая, что многие оригиналы, может быть, и написаны рукой Шолохова, сказать об этом «слуху» мы решились только «эксплуатировать» в небольшой монографии, вышедшей на грузинском языке.

</